

Живые буквы

Григорий Князев (род. в 1990 г.) — поэт, филолог. Живет в Великом Новгороде. Автор шести сборников стихов.

Много раз публиковался в толевых литературных журналах. Лауреат и дипломант нескольких поэтических конкурсов, победитель Всероссийской мастерской АСПИ для молодых писателей (2022). Стихи Григория Князева — тонкая и честная лирическая исповедь, прочно связанная, с одной стороны, с классической традицией русской поэзии, с другой — вобравшая в себя все тревоги и озарения нашего столетия.

Григорий Князев Живые буквы

Григорий Князев

Живые буквы

АСПИ

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

Григорий Князев

Живые буквы

Книга стихов для взрослых
и отчасти для детей

Москва
АСПИ
2022

УДК 821.161.1-1-93
ББК 84(2=411.2)6-53
К54

*Издано при поддержке
Президентского фонда культурных инициатив*

Князев Г.

К54 Живые буквы. Книга стихов для взрослых и отчасти для детей / Григорий Князев. — М.: АСПИ, 2022. — 124 с.

ISBN 978-5-517-09240-3

Поэт Григорий Князев, живущий в Великом Новгороде — автор шести сборников стихов, лауреат нескольких поэтических конкурсов. В 2022 году он стал победителем Всероссийской мастерской для молодых писателей, созданной Ассоциацией союзов писателей и издателей России. Его стихи, с одной стороны, наследуют классической традиции русской поэзии, с другой — чутко откликаются на веяния современности. Его седьмая книга стихов «Живые буквы» предназначена как взрослым, так и детям, наполнена музыкой мысли, радости и полноты жизни.

УДК 821.161.1-1-93
ББК 84(2=411.2)6-53

ОДА «К РАДОСТИ»

Голос молодого новгородского поэта Григория Князева — поразительно ясный.

Эта ясность — совсем не простота: при перечитывании стихи Князева распахиваются новыми красками и звуками, новой глубиной. Но это ясность высокого и чистого душевного строя. Поэтом, который хочет гармонизировать все, назвал Князева Олег Хлебников.

Князев — потомственный филолог, поэт высокой филологической культуры. И еще — захватывающий пример «самостоянья человека». Сложности со зрением не мешают ему ездить по всей России, участвовать в литературных мероприятиях, работать, активно публиковаться.

Ассоциация союзов писателей и издателей предупреждает: этот сборник — не льгота. «Живые буквы» — уже седьмая книга поэта. Григорий Князев выиграл право издать очередную книгу в честной конкуренции с десятками других молодых поэтов — участников Всероссийской литературной мастерской в Москве в апреле 2022 года; отбор был жестким. Тем более мы гордимся возможностью представить широкому российскому читателю эти умные и тонкие стихи, исполненные музыкой мысли, радости и полноты жизни.

Ассоциация союзов писателей и издателей

С Григорием Князевым в русскую поэзию пришел замечательный лирик, развивающий и воскрешающий драгоценные качества отечественного стихотворчества: исповедальность, сострадательность, свежесть высказывания и, наконец, мастерское владение стихом.

Знаменитая баратынская формула — «лица необщего выражения» — подходит к нему во всей своей полноте. Это яркий поэт, стихи которого органично сочетают простодушие и пронизательность, строгость и порыв, горечь и нежность.

Верю, что самобытной поэзии Григория Князева суждено долгое будущее и счастливое обретение новых благодарных читателей.

*Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»,
заведующий отделом поэзии*

Простая стилистика, пронзительная, горячая нота доверия. Это доверие — к миру и к людям. «Не обидь малых сих». Поэт и не обижает. Он чувствует и *со-чувствует*. Это радостно. Это придает всему его поэтическому пространству необъяснимое обаяние почти утраченной в наше время человечности. В искусстве, чаще ориентированном на изыски, на эстетику, эмоция, жизнь сердца стала редкой птицей. А что же, если вдуматься, ценнее тепла сердца, перелитого в стихи, высказанного стихами?

Поэзия Григория Князева не так уж проста, как может показаться на первый взгляд. Она таинственна. В ней много пластов, слоев; они не столько вербальные, сколько смысловые и чувственные. Он столь же деликатен, сколь и предельно открыт; эта открытость может давать крен в наивность, но это та честная и чистая нота, которую словесность нынче часто забывает. Григорий Князев возвращает поэтическому голосу детскую чистоту. И, несмотря на то, что поэт пишет о вещах вполне земных, обыденных, знакомых всем, повторяющихся в неисчислимых кругах времен (отчий дом, дорога, вокзал...), не покидает ощущение, что он — житель небес: в этих стихах есть воздух, ветер, полет, это ангельский взгляд сверху, из-под облаков, на все произошедшее и происходящее, на весь универсум, на все дороги, которые ты прошел по земле и которые надо еще пройти.

Чтобы дойти до неба.

Елена Крюкова,
поэт

**СТИХИ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ**

* * *

Слышишь, как птицы шифруются-прячутся
В кронах черёмухи, вязов и лип?
Нечто за «фьюи» и «тьюи» их значит,ся,
Если наречие перевели б.

Птичий язык посложнее китайского —
Гулкая дробь или мелкая дрожь...
Их разговора, их пения майского
И с переводчиком не разберёшь.

В нотной тетрадочке — грязно ли, чисто ли —
Пишут пернатые, тексты мельчат.
Вязью арабскою выглядят издали
Чёрные стаи грачей и галчат.

Мне далеко до Франциска Ассизского.
Целые ночи и дни напролёт
Почта крылатая голоса близкого
Дальнему голосу музыку шлёт.

* * *

Я странен, а не странен кто ж?

Александр Грибоедов

Кто жил с горячей головой;
Кто думал и ходил на грани;
Кто был уже едва живой,
Но спасся при смертельной ране;
Кто говорил с собою вслух
И с Господом (помилуй Боже!),
Порой к чужому слову глух,
Как будто бы своё — дороже;
Кто выше облаков летал,
Разбит иль закалён бедою
Так из руды возник металл,
Чтоб снова стать земной рудою;
Кто остановку проезжал
Хоть расстоянье точно мерьте;
Кто цепенел, пьянел, дрожал,
Шаг сделав от любви до смерти;
Кто вглубь глядел, глаза прикрыв
(Душа и тело-невидимка), —
Тот мог бы совершить прорыв,
Когда б не смутных мыслей дымка,
Когда бы не предметный ряд,
Такой прямой, такой конкретный,
Сужающий и путь, и взгляд,
Что тянет смелых в мир запретный...

СТИХИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

И ты, нарушивший запрет,
Так много сам себе позволил:
Как сумасшедший, нёс ты бред,
Как проповедник, ты глаголил!

* * *

Что поведает река мне —
Серебристый голосок?
Что на дне ребристом камни
Превращаются в песок;

Что давно здесь было море,
Но ушло оно — и вот
Новой фауне и флоре
Жить под спудом пресных вод;

Что толпою многолюдной
Лес поёт — деревьев хор —
Над водою изумрудной,
Чёлки на косо́й пробор;

Что стремятся к водопою
Утомлённые стада,
Инстинктивное, слепое
Бормоча: «вода-вода»;

Что поток, то, отдыхая,
Разливается, широк,
То, от грохота глухая,
Мчит волна через порог;

Что, мелка иль полноводна,
Рябью сетчатой река

СТИХИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

С рыбьей чешуёю сходна
От хвоста до плавника;

Что, как лодки, ходят рыбы;
Что и наших жизней-рек,
Чьи отчётливы изгибы,
Русла высохнут за век...

И посередине Стикса
Свет бы вспомнить и покой —
То, чем на земле проникся
Между Волгой и Окой!

* * *

Туманности и млечности
Пусть кружат надо мной!
Что мне судить о вечности?
Я человек земной.

А вечность столь огромная
В космических лучах,
Как ноша неподъёмная
У Бога на плечах.

В ковше Большой Медведицы —
Весь мировой уклад.
Во мгле на стенке светится
Небесный циферблат.

Стучат ритмично ходики —
То с музыкой, то без.
В их медленной мелодике —
Механика небес.

Мне спать спокойно хочется,
Но лишь в окно взгляну,
А там — луна-пророчица:
Как выключить луну?

Глаза мои вращаются,
Но время, бытиё

И вечность не вмещаются
В сознание моё!

Бороться с бездной — мужество.
В пределах лет и дней
Дерев и птиц содружество
Мне ближе и родней.

И всё же, пропасть вечная
В сто триллионов лет,
Хоть ты дочеловечная,
Хоть ты внечеловечная,
Хоть ты бесчеловечная,
Храни живой мой след!

МАЛЬЧИК

Не мыслитель и не эрудит —
Мальчик странный на лоне природы
У реки на мосточках сидит.
Он не прыгает в реку — глядит
На вечерние светлые воды.

Я присяду к нему на мостки,
Не задев, не сказав ни словечка, —
Будем вместе молчать у реки
Тише, чем рыбаки, за буйки
Глядя, как извивается речка.

Ей то быстро, то медленно течь
Вдоль жилого, лесного массива...
Слышишь, ум, сердцу зря не перечь:
Лишний шум — суетливая речь
Там, где белая ночь — так красива!

Как арктический антициклон,
Мы не просто на месте застыли.
Созерцающий берега склон,
Мальчик странный, мой образ, мой клон,
Мой задумчивый ангел — не ты ли?

ДЫХАНИЕ ПРЕДКОВ

Всё то, что досталось в наследство,
Дошло, как в бутылке письмо.
Впитало с молозивом детство
Дыхание предков само.

Черты их, повадки и жесты —
На долю им выпавший груз.
Ни шагу не сдвинуться с места,
Мир сузив до родственных уз.

Все наши болячки-привычки —
Из тех, ими прожитых, лет.
Беру я за скобки, в кавычки
В шкафу легендарный скелет.

Генетика, словом, такая —
Быть крайним в цепочке следов,
За слабости не упрекая
Своих молчаливых дедов.

РАДОНИЦА

Прогнозы воплотились в дождь —
И ты под мостиками радуг
К родным на кладбище идёшь
Могилы привести в порядок.

Здесь, на границе двух миров,
Работать трудно, но отратно:
Полоть, стирая пальцы в кровь,
Траву забвенья рвать нещадно.

А после, от жары в поту,
Где за квадратами — квадраты,
Шагать до выхода версту,
Читая имена и даты.

Как переводы на санскрит —
Связь с запредельным и нездешним.
Лишь бабочка легко парит
От дома к дому в свете вешнем.

* * *

Жить в четырёх стенах
В бессильи и бездельи,
В молчаньи, как монах
В своей пустынной келье.

На скуку обречён,
Но и скучать не в силах,
Ты тихо выйдешь вон,
Пополнив ряд бескрылых.

На привязи дома,
За гаражами глухо.
Нет, стены — не тюрьма
Для зреющего духа!

Среди тяжёлых тел
Душой открыт и лёгок.
Шёл, шёл — и вдруг взлетел...
Во как!

ИЗ ЦИКЛА «ПЕТЕРБУРГСКИЕ КЛАДБИЩА»: ЕВРЕЙСКОЕ

За кривым забором из гнилой фанеры
в четырёх километрах от кольца трамвая.

И. Б.

На Еврейском, у входа,
Некто Гитлер, и он —
С тридцать третьего года
(Год его похорон).

Повезло ему, право,
С датой похорон:
Избежал он расправы
С двух кровавых сторон...

По аллеям и тропкам
Углубляюсь к своим
В напряжении робком —
Что поведаю им?

Чистим наши могилки
С мамой каждой весной.
Вот к прабабке развилка,
Дальше — дедушка Ной.

СТИХИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

За табличкой — табличка,
И приходит на ум
Всех имён перекличка:
Я — Натан, я — Наум...

Я родился тогда-то,
Умер — место и ряд.
Имена ваши, даты
Что о вас говорят?

И откуда пришли вы,
И куда вы ушли?
До чего ж молчаливы
Камни мёртвой земли!

* * *

Что знаю о себе, и надо ли,
Две бездны — жизнь и смерть — тая,
Куда слова и сны попадали,
Встречаться мне с моим же «я»?

Родился, рос и умер — схемою
Звучит, а фактов — громадьё.
Натуру, личность, душу где мою
Найду, как отличу её

От голоса чужого, прочего,
Точней — от хора голосов?
От материнского и отчего
Бежим — и сердце на засов.

Но вот гуляю на природе я —
И льётся в мой канал ушной,
Как жалоба, одна мелодия,
А следом — как рассказ смешной...

Стишки под нос себе я тинькаю —
Не Окуджава и не Блок...
Звучит кассетой ли, пластинкою
Мой музыкальный монолог.

Великая разноголосица —
То нет меня, то полный дом!

СТИХИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Что как к чему во мне относится
Порой понять могу с трудом.

Касаясь своего предплечья,
Свои же кудри теребя,
Что если никогда не встречу я
И не услышу сам себя?

* * *

Знать бы — что там, впереди?
Хоть одним глазком взглянуть бы!
За морозами — дожди
Перекраивают судьбы.

Мы не выйдем за порог —
И не встретим то да это...
Что ни миг, то новый срок
Мерят нам зима и лето.

Потеряем ли, найдём,
Сделав на развилке выбор,
Не поехав под дождём
В Павловск погулять иль в Выборг?

Я не верю в путь прямой
На тропе ветвистой в парке —
Магистральный, главный, мой,
В нить, что тайно вяжут парки.

Верю в чистый зов души,
А не в дедуктивный метод!
Варианты хороши —
Можно тот, а можно этот...

Жизнь творится на ходу,
И нечаянная радость

СТИХИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Вытеснит-затмит беду,
На один поднявшись градус!

Движет смутный мной порыв —
Планы в воздухе витают,
Жажда маленькой игры
В шансы, что мгновенно тают...

* * *

Память слоиста — одно на другое
Лепятся воспоминанья,
Словно бы город растёт над рекою —
Новые, старые зданья...

Многоступенчатый-многоэтажный
Космос внутри и снаружи.
Помнишь, в колючей промзоне гаражной:
«Ну, поцелуй меня, ну же!»?

Игры на стройке там, в детстве жестоком:
Взяли на понт — и повис он
На проводах оголённых под током...
Безумцам закон не писан!

Ни год не вспомню, ни собственно день я
(И было ль со мной всё это?),
А сами редко всплывают виденья
В подвалах памяти где-то...

* * *

В лес углубиться — в чаще заблудиться...
То ли «ау» зовёт, то ли «ку-ку»
Какая-то неведомая птица
На чёрном, гиблом, сломанном суку.

Деревьев вид страшит, звероподобен,
И в царстве мхов, лишайников, грибов,
Среди корней-коряг, колод-колдобин,
Как в пасти, полной ранящих зубов.

Но всё ещё не потерял надежды
На то, что выйду из лесу — к селу,
Ещё почти без паники: ну, где ж ты?
Вдыхаю сосен терпкую смолу...

Кто не петлял в глухом лесу однажды,
Кто не сходил случайно с главных троп,
Кто голоса не слышал: наш ты, наш ты! —
Из глубины болотистых чащоб?

Как ни мудри, нечистый, как ни мучай,
Как много ты ловушек ни таи,
Во мне самом ветвится лес дремучий —
Чудовища, сокровища мои!

АСТРОНОМ

Так мало неба! Из окна
И днём, и вечером видна
Соседняя пятиэтажка.
На сером фоне — два пятна
Милы-нелепы, птах и пташка.
Всем на земле без неба тяжко.

Лишь дальнозоркий астроном,
Что жертвует спокойным сном
На склоне кратера отвесном,
Мечтает больше о земном
Мирке уютном, тихом, тесном,
Чем о строении небесном.

Ему приелись небеса,
Их мощь, и слава, и краса,
Стена галактик не чарует.
Он звёзды, вызнав адреса,
Где та и эта квартирует,
Не называет — нумерует.

Но что для астронома — труд,
То для других, живущих тут, —
Глазам отдушина-отрада.
Как чуда, звездопада ждут,
Зависит будто бы от взгляда
Фронтон небесного фасада!

ДВА ОКНА

Вот опять окно...

М. Ц.

Не спится. Без семи четыре.
В глухих домах черным-черно.
Все спят. Один я маюсь в мире.
Отчаявшись, взгляну в окно,

А там, хоть с виду всё в покое,
Напротив — тоже свет в окне.
Но, в самом деле, что такое?
Тебе не спится, как и мне.

В болезни тяжкой, за работой,
На пиршестве иль просто так?
Твоё окно пчелиной сотой,
Как и моё, глядит во мрак.

Кто б ни был ты, мой соглядатай, —
Старик ли, юноша без сна, —
Но луч сближает желтоватый
Две наши тени, два окна.

* * *

В эту тишь глухонемую,
Что сродни безмолвной рыбе,
В ледяной глуши зимую
У Вселенной на отшибе.
В комнате моей так тихо,
Что закладывает уши,
И дрожит душа-трусиха,
Будто есть смелее души!
Лишь с тяжёлых книжных полок
Говорят Толстой и Чехов,
Лишь вдали ночной посёлок
Отдаётся тихим эхом,
Лишь загадочные лица
Там, под стёртой амальгамой...
Страшно с тишиною слиться,
Невесомой и упрямой,
Стать зимы безликой частью.
Вдруг лишившись дара речи,
Ты проглочен жадной пастью
Ночи, что чернее печи.
Где ж цивилизаций гомон?
Что ни звук — так плотен-слитен!
Мир, что в городах разломан,
На природе монолитен.
Как же страшно, как же мощно!
Всё сильнее во мне тревога.
Если попытаться, можно
Уловить и шёпот Бога...

* * *

Ослепну на миг, сделав шаг за порог, —
И, странное дело, двора не узнаю.
У заиндевелых домов и дорог
Иная душа и природа иная.

Дракон или демон вдруг глянет из тьмы, —
В чудовищах зимних так много коварства!
Как будто попал я не в царство зимы,
А в сказочный терем загробного царства.

Мой город-кроссворд, весь исхоженный мной
По горизонтали и по вертикали,
Ещё не разгадан твой образ чудной
У сна, у немного кино в зазеркалье.

Столбы и деревья — в сплошном столбняке,
Весь мир заколдован печатей на десять,
А дымка морозная в снежном венке,
Клубясь над рекой, продолжает кудесить...

* * *

Настроение наше зависимо
От процессов, идущих внутри:
То упадок, то просто bravissimo,
То хоть обувь до блеска натри!

Слава Богу, не всё биохимия,
Слава Богу, не всё Архимед —
Есть же нечто, что невыразимее,
Чем явление или предмет!

Зародившись в белковой молекуле,
Жизнь разумная в нас проросла,
Чтоб о мироустройстве кумекали,
О природе добра или зла,

Чтоб считали, что мы-то — свободнее,
Чем во льдах заточённый микроб,
Что ползёт, с каждым днём — безысходнее,
По ложбинкам неведомых троп.

Только как это *нечто* нащупаю,
Что летучее дымки весны,
Если, выключив голову глупую,
Как под морфием, вижу я сны?

Мне дано в ощущениях многое —
И земных, и небесных даров.

То тактильно, то мысленно трогаю
Мириады соседних миров.

Я — геном, но над шифрами этими,
Над цепями, к которым я глух,
С бесконечными клетками-клетями —
То, что названо древними «дух»!

* * *

Насте

Шепчу я сирени зацветшей:
«Раскройся, заветный бутон...»
Пусть судят: «Да он сумасшедший,
С цветами общается он!»

Растенья живые, и вправду,
Меж антропоморфных камней
И вторят, и внемяют ландшафту,
Людей и животных скромней.

Все мудрые так молчаливы,
Болтают обычно глупцы!
Растут наши яблони-сливы,
Цветут в парнике огурцы...

Хоть с виду безусты-безглазы,
Язык в них первейший зачат.
Так формул химических фразы
Небесной латынью звучат.

Бормочет в листках фотосинтез,
Смолкающий лишь по ночам:
— Слегка повернитесь-подвиньтесь
К лучам, словно к светлым речам,

СТИХИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Вы, фуксия, фикус, тагетис, —
Всех прозвищ не переведу, —
Красивые тихие дети
С корнями в Эдемском саду.

* * *

Настольной лампе на краю
У ночи светлый гимн пою:
Спасибо, лампа дорогая,
Что ты мне светишь, не мигая!

Как ты проста, как свет твой прост,
Земная дочь небесных звёзд.
В твоём задумчивом гореньи —
Покой и умиротворенье.

Твой взгляд во тьме подслеповат,
А в небе в триллионы ватт
И тут, и там горят лампы —
От Андромеды до Плеяды...

Зачем так много ламп? Кому
Они, преодолевая тьму,
Свой свет — то тёплый, то холодный —
Даруют на луне бесплодной?

Неужто только для меня
Без меры тратится огня,
Включается и гаснет где-то
Очередное чудо света?

* * *

Пока кругом отчаянные-злые
Ворочаются в ледяном бреду,
Я сплю, забыв бессонницы былые,
С подушкой и совестью в ладу.

Я сплю, не пожелав спокойной ночи
Моим любимым, близким и родным.
Я сплю — и жизнь моя на треть короче,
Украдена глубоким сном земным.

Я сплю. Себя не выдрать из постели,
Из мертвенных когтей-объятий сна.
Молчит душа в кроватном ватном теле,
Полнейшим безразличием больна.

Я сплю и днём — в бессильи, скуке, лени
Жизнь прозябаю, трачу не на то.
Сквозь долгий сон — вина и сожаленье,
Что век мой утекает в решето.

Простите все: в труде, в беде, в горячке,
Кому я не помог, кого не спас.
Пробьёт час Икс — и выйду я из спячки,
Открыв смотрящий в небо третий глаз!

ЯНВАРСКОЕ

Лежат снегов кристаллы —
Природы письма,
Чтоб вечность прорастала
Сквозь них, как семена.

А мы иначе пишем,
Чем цепи аш-два-о.
Нас тянет к сферам высшим
Поэзии вещество.

Пространство языкасто.
Ломая белый наст,
Строчит поэтов каста...
О, как же много нас!

Слова — поверх друг друга,
Следов не разобрать,
И замечает вьюга
Открытую тетрадь.

БОЛДИНСКОЕ

В том месте, где кончаются дороги,
Элегии, этюды и эклоги
Гуляют эхом в болдинских полях,
Чтоб стать штрихом в тетрадке на полях.

Даров бесценных щедрый расточитель,
Благослови ученика, учитель,
И вдохнови на сотню ярких строк,
Дух Болдина — осенний ветерок!

Так солнечно, и века золотого
Лежит в земле счастливая подкова.
А рифма, точно средство от тоски,
Сама собой владеет мастерски.

Быть может, по ошибке, зря, случайно,
Я верю: это знак, причуда, тайна,
Мне бабочка — не сдунь её, не тронь! —
Стихотвореньем села на ладонь.

* * *

Что Бог даёт тому, кто рано встанет?
Быть может, невесомость после сна?
Луч стены красит, потолки румянит —
Прозрачен воздух, голова ясна!

В утробе утра день — цветной ли, белый —
Едва зачат, ещё не родился.
На песни-танцы-игры, что ни делай,
Вся жизнь в запасе, больше — вечность вся!

Гудят-разогреваются моторы —
Меня зовут куда-то вдаль и ввысь...
Как занавес, я раздвигаю шторы —
О, взгляд влюблённый, сцене удивись!

Второй звонок уже звенит, не так ли?
Что впечатленья первого свежей?
И куст — как декорация в спектакле,
В гала-концерте галок и стрижей!

* * *

Здесь, на земле, в кругу семьи,
Как будто бы со мной навеки
Друзья и близкие мои, —
Я в тёплом мире их опеки.

Но там, за крайнюю чертой, —
Вокзал ли, госпиталь огромный, —
Душа вдруг станет сиротой
Меж душ чужих, в семье приёмной.

И чем привычней дом земной
С его укладом, с мамой рядом,
За много лет обжитый мной,
Тем рай печальней с вечным садом...

Пока ещё в земном дому —
Помилуй нас за прегрешенья! —
Как на прощанье, обниму
Родных, мне данных в утешенье.

* * *

Ты помнишь зелёное и голубое?
Так выпуклы горы, моря и леса!
Но что же возьму я, мой Ангел, с собою
Из жизни земной — на Твои небеса?

Ни яркого цвета, ни блика, ни света:
Ни бабочек в танце, ни блёсток в снегу...
Ни вещи объёмность, ни плоскость предмета
Я кладью ручной взять, увы, не смогу.

Ни вкуса, ни запаха... Мне от бывшего
Останется только, даст Бог, на века
Звучащее слово, молчащее слово —
Как память великая праязыка.

Зачем же так много дано мне, и можно
Не видеть, так трогать, сжимая в горсти,
Когда контрабандой сквозь эту таможеню
И звука живого не перевезти?

* * *

Живу взаперти в своём теле и разуме, —
Почти герметичен мой тесный мирок
В пространстве, которое узкими лазами
Выводит меня за окно, за порог.

А там невзначай из тревожащей дальности —
У слуха на грани, у дня на краю —
Пустые обрывки чужой мне реальности
Зачем-то стучатся в реальность мою.

Быть может, затем кто-то крикнул, процокали
В ночи каблуки, скорой вырвался вой,
Чтоб сам у себя я спросил: «Одиноко ли
Тебе?» — и в ответ покачал головой.

* * *

Мной движет страх шагнуть в небытие,
Где никакой вещественной зацепки
За жизнь, а узы смерти слишком крепки,
Чтоб я навеки победил её.

Смерть Словом одолев на миг в году,
Всё остальное время существую,
За всякую материю живую
Беспомощно хватаясь на ходу.

Внезапно возникают на пути
Воздушные ворота и воронки,
Но постепенно рвётся воздух тонкий —
И жутко в чёрный вакуум уйти.

НЕМОТА

...Ну кто мне сказал, что придут они снова
Из царства болотного, мира лесного,
Поднимутся в горы и спустятся с гор,
И, спрятавшись в норы, вдруг глянут из нор?

О, сердце моё, что, увы, бессловесно,
Когда же откроется новая бездна?
Мне тесно. Надежды почти никакой
На свет, что продлю стихотворной строкой...

Устану их ждать — и они постучатся,
Дороже и ближе мне, чем домочадцы,
И станут гурьбой на меня напирать,
Наполнив собой мою жизнь и тетрадь.

Не просто бумажный и буквенный ворох —
Поющие дети мои, без которых
Быть крайним в роду мне: не ставший отцом,
Навек онемею — и дело с концом!

Что были давно и что явятся скоро —
Вы в смутное время оплот и опора:
Не осиротею, с ума не сойду,
Покуда всё дую и дую в дуду!

ЖИВЫЕ БУКВЫ

Буквы смыслы разные таят —
То мягки характером, то колки.
Буква «А» — качели, что стоят,
«Б» — бокастый колобок в бейсболке.
Властной «В» вперёд и ввысь вedom —
Так витиевата, как зародыш...
«Г» — мой голый угол, «Д» — мой дом.
В «Е» и в «Ё», как в лабиринте, бродишь.
«Ж» — жужжит и жалит, «З» — звенит,
«И» — икает, «Й» — всегда с улыбкой.
«К» — рука, что вскинута в зенит,
«Л» — скользит легко на льдинке хлипкой.
С «М», как с мамой, с «Н», как с няней, — в путь!
«О» — большое озеро и око,
«П» — пенёк. Присесть, передохнуть.
«Р», «С», «Т» и «У» — расту высóко!
«Ф»-«Х» — филин ухаает в ночи.
«Ц» — цена и цель, «Ч» — чаша с чудом,
Шёпот — «Ш», и щебет — «Щ»: молчи!
«Ъ»-«Ы»-«Ь» — под спудом...
«Э» и «Ю» — эмоций юность, юг.
«Я» — с прямой спиной и головастый...
Разомкнулся алфавита круг —
И сомкнулся. Здравствуй, слово, здравствуй!

СТИХИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

«Ижица», чей прадед — «Ипсилон»,
«Ять» — замо́к, и «Юсы» — табуретки,
На прощанье — низкий вам поклон,
Букв моих загадочные предки!

* * *

Стихи мои — не сор и не руда,
Стихи мои — не звёзды и не вина,
Стихи мои — дни-месяцы-года,
Их лучшая, цветная половина.

Всё то, во что вгляделся-вжился-вник,
Легло заметкой по следам горячим
И зарисовкой в черновик-дневник:
Мне каждый миг, мне всякий образ значим!

Меня и мир вокруг преобразив,
Стихи мои бубнят-звенят-шаманят.
Лишь чудом не наказан, как Сизиф,
Работой утомительной не занят.

Мчу, как в машине времени, назад —
Всё оживает между строк предметно:
Крылатый дачный дом, и сонный сад,
И озеро, что на закате медно,

И в город путь, в квартирную нору —
Тесна осенне-зимняя берлога,
Где я родился, где, видать, умру,
О чём и не напишут некролога...

СТИХИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Стихи мои — свидетели всех встреч,
Всех радостей, всех бед, всех проволочек —
Всей жизни от и до. О том и речь,
Что нет меня нигде, помимо строчек!

ЗООПАРК

В зоопарк мы пришли на зверё поглазеть —
Нам, из каменных джунглей, в диковину звери.
Рядом с волчьей — дрожащая заячья клеть,
Вместе — жители тундры и жители прерий.

Крокодил тут зеваает — столь зрелищный вид,
У полярной совы скверик тёмный, печальный,
Мелкий суслик за палец куснуть норовит,
Дикобраз лёг в свой угол глухой, односпальный,

Гамадрил скачет-мечется — зол-нелюдим,
А детёныш гиены — такой любопытный!
Вновь вернувшись к себе, в тех же клетках сидим,
И характер наш — непредсказуемый, скрытный.

Сами прячемся в дом — от себя? от беды?
Сколько б ни пресмыкался, ни пасся, ни прыгал,
Ждут полмиски еды и полчашки воды
Да в бетонном дворе кратковременный выгул...

Если люди как звери, откуда у нас
Вера в то, что царит демиург или демон,
В сотню тысяч — пассивный словарный запас,
И на кладбище крест, точно плюсик, — зачем он?

Неужели и мы — тупиковая ветвь?
Целых девять мозгов для чего осьминогам?
Век — с вещами на выход, с надеждой на свет —
На границе стоим между зверем и Богом...

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ КЕДРИНА

На Пушкино в девять идёт электричка...

Дмитрий Кедрин

...Он лежал с ножевым ранением в тамбуре,
А в вагоне сумеречном — ни души.
Ему грезилось: он улетает за море
От любимой своей, пиши — не пиши...
Ему бредилось: пропади ты всё пропадом,
Но нисходит лишь в смертный час благодать.
— Боже правый, — в пути молю полушёпотом, —
Сил и смелости дай мне, чтобы страдать!

Детям вёз, но разбилась крынка медовая —
Мёд стал дёгтем, знак — быть недолго в живых.
На железной дороге — участь бедовая.
Как боюсь народных примет роковых,
Как боюсь такой неприкаянной гибели:
Остановки дыханья, открытых ран, —
Но, пока мою душу из тела не выбили,
Всё тащу я полный стихов чемодан...

* * *

Лес наш гулок. Сквозь клёны гляну —
И увижу вблизи-вдали
Для прогулок сцену-поляну,
И почувствую мощь земли.

Слава, Гений! У насекомых,
У зверей, и птиц, и грибов,
У растений, к свету влекомых,
Воля к жизни значит — любовь.

И не просто древом зелёным
Разлетелась Тебе хвала —
У погоста дубом и клёном
Жизнь предвечная расцвела:

«Всё творится и всё творимо,
Всё друг друга тайно творит.
Повторится неповторимо
И себя во всём повторит!»

* * *

Куда попадают тени зверей,
Когда каменеет их плоть?
Придумал ли зверям Эмпирей
Миры создающий Господь?

Пред небом слово замолвят о нас
Собаки, еноты, коты,
Предчувствуя собственной смерти час,
Что вмиг искажает черты.

Пусть люди судят: мол, звери — в раю,
Судьбы, мол, характера — нет,
Но глажу тёплую кошку свою
И вижу в глазах её свет.

Глаза её умным светом горят,
Мерцая, как твой изумруд.
Так жалко преданных милых зверят —
Неужто бесследно умрут?

* * *

Гроза улетала так быстро к востоку,
Что сил не хватало большому потоку
Всё литься... Подобно ударной волне,
Гром глухо гремел вдалеке, чуть сверкали
Зарницы в стотысячевольтном накале,
А фронт грозовой точно фронт на войне.

Завесив окно, ты сжималась от страха,
Но пела в саду непугливая птаха,
Забыв о своём желторотом птенце.
И я не боялся: да здравствует буря!
Мне вспышки эмоций близки по натуре:
Не ужас — скорее восторг на лице.

Пусть время — с просветами редкими — мглисто,
Я с верой в двумирье, как идеалисты,
Не просто грозу различаю во мгле,
Что движется, пышные волосы взбучив,
Но чувствую резче, чем некогда — Тютчев:
Гул битвы богов мчит от неба к земле.

У молнии мощная крона ветвится.
Сказали б земных катастроф очевидцы:
«Двух армий небесных столкнулись возы».
...Всё реже и реже, всё тише и тише
По шиферной, по ондулиновой крыше
Бьют капли — недавно могучей — грозы.

* * *

В ночное море первозданное
Мы входим, как Адам и Ева.
Такое ощущение странное —
Оно не справа и не слева,

Со всею нашей подноготною,
Оно не сверху и не снизу,
Как счастье, капельку щекотное,
Подобно веющему бризу.

Мы, как столбы над морем белые,
Вдруг падаем в его объятья,
Стеснительные, оробелые,
На берегу оставив платье.

Игривы волны, месяц пялится —
Глаза лукаво заблестели...
Плыви, плыви, душа-скиталица,
В легчайшем, безграничном теле!

НОЧНОЙ ГОРОД

Пусто ночью в древнейшей столице Руси.
Кто-то едет домой из гостей на такси,
А кому-то — со смены в общагу...
Город рано ложится и рано встаёт.
Мой сосед наверху пьёт, орёт, стекла бьёт —
Я ж, как все, в десять вечера лягу.

По пустому проспекту, что иссиня-мглист,
Вдруг промчится отчаянный мотоциклист —
Воин в латах, в сверкающем шлеме,
Будто Средневековье опять на дворе —
В этом медленном, в этом глухом январе
Он как молниеносное время.

Кроме тюрем, пожарных частей и больниц,
Окна — чёрные дыры, зиянье бойниц:
Неуютно, темно, беззащитно.
Всё дрожат фонари. Ночь от страха нема,
И стоят, словно бы нежилые, дома
Так печально и так монолитно!

Для кого же горит тусклый свет фонарей?
Город мой, я прошу тебя: не вечерей,
Не старей, точно ржавый корабль!
Был бы Новгород шумен, и грязен, и дик,
Но зато не седой и печальный старик,
Если был бы как тёзка — Неаполь.

ПЛАЧ ПО ИЛЬИНОЙ УЛИЦЕ

Улицы Ильиной
С тихой стариной
И не узнать сегодня.
Шаг за шагом, вдали,
Словно из-под земли,
Церковь росла Господня.

Яблони да сирень,
Под кружевную тень
Спрятаться было можно —
Ранили у корней,
Вырубили до пней
В ходе работ дорожных.

Вот мостовой фрагмент —
Дух городских легенд.
Вечность взять под стекло бы,
Чтоб мы смотрели вниз,
В век тринадцатый, — из
Нашей тоски и злобы!

Год стучат молотки
Отбойные, и катки
Всё закатали грубо
В слой асфальта — на слой
Культурный, сравнив с землёй
Допотопные трубы,

Ржавые от воды,
Насмерть стёрли следы,
Древние, как наш город.
Улицы вид немой,
В век ненасытный мой
Живот её весь распорот,

Плачет от боли, но
Серое полотно —
Тот ещё бинт на ране...
Боже, встань на пути —
Улицу защити,
Точно на поле брани!

К ФОНАРЮ

В миг особый, когда зажигают огни,
Есть надежда и в мертвенном этом тумане.
Ты, фонарь покосившийся, мне подмигни,
Собеседник и друг мой у мрака на грани.

Ты, немой очевидец свиданий и драк,
Никого, никого не предашь и не выдашь!
Ты покроешь творящийся ужас и мрак
В мире, где каждый третий ребёнок — подкидыш;

Где, сразившись с Ордой, сами стали ордой,
Победивши нашествие хана Батыя;
Где война — за войной, и беда — за бедой;
Где от нас отвернулись в сияньи святые...

И хотя озаряют дорогу лучи,
Одиноким прохожим даруя отраду,
Но печален твой свет в бесконечной ночи —
Той, что длится восьмое столетие кряду.

* * *

Лишь ночь сомкнётся, свет глуша
На кухне, в спальне и прихожей,
Из тела вылетит душа,
Мерцавшая под тонкой кожей.

Она вспорхнёт, легка-мягка,
Над лесом, и рекой, и полем...
Весь день мы душу-светлячка
В темницах тел своих неволим.

Душа, то вдаль, то ввысь лети,
На связи, как на нитке, с нами!
Всё то, что встретишь на пути,
Проявится твоими снами.

Но возвратись, хоть путь далёк,
К рассвету, оживляя тело,
До той поры, пока не лёг,
Пока навек не улетела...

* * *

Иду в аптеку за полночь —
Шагов своих пугаюсь.
Проспекты обездвижели,
Погасли светофоры.
Вновь тяжело заболела ты.
Недуг привносит хаос.
Из трёх лекарств считалочка.
Не дозвонюсь до скорой.

И с атмосферой города,
До ужаса пустого,
То борется, то мирится
Дыханье человека.
Как цель и как спасение —
Земное, не Христово —
Вдали мерцает вывеска —
Зелёный крест — «Аптека»!

Провизор как священник мне.
Молчание чумное.
От времени новейшего
Назад, к Средневековью,
Где население вымерло,
И только ты со мною
Навеки крепко связана
Отчаянной любовью.

* * *

В доме, пахнущем небытием,
Без детей — безысходно и глухо.
Одинокую старость вдвоём
Коротают старик и старуха.

Так и вижу себя и тебя
В этих двух, постаревших до срока,
Безнадёжно и нежно любя
Жизнь, что есть, — ни горчинки упрёка!

Не моя в том, не Божья вина,
Что не выйти из тесного круга.
Нам любовь во смиренье дана —
Чтоб остаться детьми друг для друга.

* * *

Не дай мне Бог сойти с ума...

А. П.

Всё сошлось там: дремучие древние страхи
И мучительной речи утраченный дар,
Где в смертельно-смирительной рваной рубахе —
То ли сон наяву, то ли вещей кошмар...

Так и вижу: на краткой осенней прогулке
Невесёлый по кругу идёт хоровод.
Там, у бедной души в ледяном закоулке,
То ли бес, то ли ангел незримый живёт.

И полжизни спустя мне отчётливо снится —
Или сна не даёт в полуночном бреду? —
Всё, что было со мной не в закрытой больнице,
Но в безбожном, тревожном, мятежном аду.

Там в палате одной — и сектант, и убийца,
И безумный художник, и тихий старик;
Там нельзя в коридор и на лестницу выйти;
Там внезапно срывается шёпот на крик;

Там остатки похлёбки сливают за ворот;
Там отхожая яма — открывшийся стыд;
Там и вяжут, и бьют; там и голодом морят,
Но раздашь свой паёк — и не будешь избит...

Можно лёд растопить, как бы ни было жутко,
И в конце провожали меня горячо,
Кто остался, — вдогонку жестокая шутка:
«Приходи к нам ещё!
Приходи
к нам
ещё!»

* * *

Ещё до Каина и Авеля,
Ещё до Ромула и Рема
Грибы-гиганты долго правили
В доисторическое время.

Сплошною окружали свитою
Они царя грибного царства,
Одни — смертельно ядовитые,
Другие — яды как лекарство.

Давно их мир распался надвое:
Где тут красавцы, где уродцы?
И с каждою осенней жатвою
Червивых больше остаётся.

Добро и зло — деленье древнее,
Но может ли на самом деле
Вести себя любовней, гневнее,
По логике земли, мицелий?

Причинно-следственными связями
Весь мир связав, ведём мы споры
С грибницами тысячеглазыми,
Незримо сеющими споры.

* * *

Бывает, на похоронах
Себя почувствуешь особо:
И не смиренно, как монах,
И не заплаканно у гроба.

На лентах над землёй вися, —
Не гроб, ладья с усопшим тонет, —
Смерть между нами, в чёрном вся,
Опять сама себя хоронит.

«На Западное завтра?» — «Да». —
Лопаты-вёсла машут ловко,
Внушая: горе не беда,
Была бы ловкость и сноровка.

Дрожь в голосе. Не от того,
Что страшно, — трепетно, как в храме.
Над смертью — жизни торжество
С её прощальными дарами.

Не унывай — мужайся ты!
И жить, и умирать — впервые,
Кладя к надгробию цветы —
Гвоздики хрупкие, живые...

* * *

Прощай! Чернила наши блёклы,
А почта наша ненадёжна...

Александр Кушнер

...В окно постучат ночью чёрной, как дёготь,
И, шёпота тише, зовут: «Гриша, Гриша...» —
Приходят меня тонким холодом трогать,
Спокойное сердце тревожа-колыша.

И в комнате, и у порога теснятся —
Лишь полночь настанет — забытые предки,
А бабушка с дедом давно мне не снятся,
Из памяти детства видения редки.

Явление, что физик не знает Капица, —
Прапращуров духи шаманят и чудят.
Чего же хотят они, что ж им не спится,
Зачем же меня будоражат и будят?

Меж мною и ими — незримые нити.
О, Боже, творится неладное в доме!
Друг к другу мир тот и мир этот магнитя,
Какая-то тёмная сила на стрёме.

«Смерть — к жизни!» — сулит в утешение сонник
Ещё с допотопных времён Междуречья.
Дремучая ночь, ляг на мой подоконник,
Вернись восвояси, душа человечья!

* * *

Веет лёгкий ветерок —
Занавеску чуть колышет.
Между рёбер, между строк
Сердце слышит, слово дышит.

Дождь, как ветер, молодой
Вскачь летит над тротуаром
И кропит живой водой,
Всё воюя с миром старым.

Выметает сор метла —
Прошлогодних листьев куча.
Ослепительно светла,
Оглушительно певуча —

До чего ж весна ярка!
Облака тонки, как перья.
Тихий шёпот ветерка
Льётся меж окном и дверью.

* * *

Какой-то дурманящий запах —
От сладости до тошноты.
У пышной сирени на лапах,
Как тонкие когти, цветы.

Такого напора-накала
Заката, что прян и душист,
Давно уже не возникало
Сквозь ласточек радостный свист.

Весеннего переполоха
Волненье в моём городке,
И так хорошо, что аж плохо
На этом счастливом витке!

От смешанных чувств в их избытке —
Почти сумасшедший азарт,
И солнце, как золота слитки,
Сдано под проценты в ломбард.

* * *

На прощанье с летним днём
Выйду на крыльцо из дома:
Солнечных лучей солома
Жёлтым стелется огнём;

В увядающей траве —
Хор кузнечиков нестройный;
Остывает воздух знойный
В полинялой синеве;

Прячась, клонятся ко сну
И петунии, и флоксы...
Я ж до ночи не улёгся, —
День так жалко пролистнуть!

Будет всё: земля, вода
И зимой мечта о лете, —
Но таких минут, как эти,
Не случится никогда!

* * *

Не грусти, что лето на исходе,
Что на небе облака со льдом!
Дни, как карты в карточной колоде, —
Всё идёт обычным чередом.

День-другой — мир стихнет, и ни звука,
Онемеют сад, и двор, и дом...
И опять за встречу — разлука.
Всё идёт обычным чередом.

Без тоски глубокой, мелкой злобы
Я по кругу временем ведом,
Но куда оно, увы, ни шло бы, —
Всё идёт обычным чередом.

Лисы бродят по соседним дачам.
В увяданье верится с трудом.
Чтобы не сказать: «...к чертям собачьим»,
Говорю: «...обычным чередом».

* * *

В такую ночь не верь дневным наукам,
когда вокруг всё делается звуком
и различим на слух и вздох, и взмах...

Елена Лапшина

В густой ночи не зрением, но кожей
Я чувствую: кругом одни враги.
В пустом подъезде — пьяные шаги,
Скребётсямышь, мой тонкий слух тревожа...
Куда страшней — замри или беги! —
Сходить с ума, не зная — от чего же?

Я всё хочу озвучить и означить.
Одену, как в пижаму, в звук и знак,
Понятный мне, тот дух, что бос и наг, —
И перестанет злая тень маячить.
Не колдовать — по-доброму чудачить,
Уснувший мальчик, сам шагнул сквозь мрак.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Нет, ночь не просто тишь да тьма,
Где сердце замирает, прячась, —
То состояние ума,
Когда острее, чем в полдень, зрячесть.

У ночи лик угрюм и строг,
И циферблат глядит сурово.
Но каждый, хоть на миг, пророк
Из всех, не спящих в полвторого.

Есть в ночи что-то от времён
Грядущих или первобытных.
Полотнища её знамён
Меж тел нагих и беззащитных.

Созвездья встали, как войска,
На галактическом параде.
Ночь-торжество и ночь-тоска
С безуминкой в кристальном взгляде.

Едва сюжеты дня уснут,
Что слух и зренье отвлекали,
Прозрачность, призрачность минут
Проступит в сумрачном накале.

БАЛЛАДА О КИРОВСКОМ ВОКЗАЛЕ

Там, где-то в тундре ледяной,
Стоит вокзал-дворец. Но рельсы
Его обходят стороной.
Промёрз, как целый век не грелся.

Изгоя на краю земли,
На почве, как эпоха, жёсткой,
Когда-то зэки возвели,
Снег стены выбелил извёсткой.

Без пассажиров, вне дорог,
Разросшихся огромной сетью,
Сам вечный отбывает срок —
Суровый памятник столетью.

Вокзалу снятся поезда —
Никто, никто сюда не едет!
И лишь Полярная звезда
В его пустые окна светит...

ДОРОГА ДОМОЙ

Стрелки вокзальные —
Спицы вязальные.
Строго по схеме
Двигается время.

Там, за Вяжищами,
В странствии с нищими —
В пьяном болотце,
В гиблом колодце...

Там, за Горёнкою,
Деда с бурёнкою...
Изгородь ёлок
Скрыла посёлок.

Там, за Рогавкою,
Глиною чавкаю,
По бурелому —
К отчему дому.

Ёглино злючее,
Что ж ты колючее?
Нитка-иголка
Шерсти, не шёлка.

Вот и Форносово —
Цвета белёсого

Стены острога.
В узел — дорога.

Видишь: как лысина,
Лес в Новолисино,
В воздухе — копоть...
Штопать и штопать!

* * *

В фотоальбом вхожу я, как в паноптикум...
Отец и мама прямо с фотоснимка
Вот-вот шагнут, мою меняя оптику,
На свадебном портрете встав в обнимку.

Пятнадцать лет большой любви туманятся...
Лишь здесь навек застыв красивой парой,
Они ещё не знают, что расстанутся,
Студентка-мама и отец нестарый.

На всё, что было, то, что есть, наложится,
За настоящим прошлое скрывая,
Но карточки чуть содранная кожа
Слегка саднит, как будто ткань живая.

Вмиг жизнь промчится мамина и папина,
Как долго бы ни жили папа, мама,
А времени широкая царапина
Срастётся-зарубцуется до шрама...

НА СМЕРТЬ БАБУШКИ

Неодолимо близилась зима,
И бабушка, сошедшая с ума,
В своём столетнем деревянном теле
Вслух целый месяц бредила в постели.

Был вид её беспомощен и нем.
Мир этот вдруг попутав с миром тем,
Услышала далёкий голос мамин,
Отправилась на главный свой экзамен...

Нет бабушки давно, но, как сейчас,
Я помню: пелена упала с глаз
Стекланных, к ней вернулись речь и разум
Пред тем, как стать лицу немым, безглазым.

Оборвалась наутро наша связь:
Мгновенно просветлев и обновясь,
Из дня рожденья вычтя смерти дату,
Ушла на встречу с мамою куда-то...

* * *

Родины малой пустое дупло...
Что мне Сморгонь или Верхняя Слудка?
Но почему-то на сердце тепло,
Если в названия вслушаться чутко.

Жили когда-то здесь мера и чудь —
Скулы широкие, светлые брови...
Я же на вас не похожий ничуть —
Лица, характеры ваши суровой.

Пыльного зеркала мутный овал
В старом шкафу отражает посуду,
В доме у предков, где я не бывал
И никогда уже точно не буду.

Запах почудится отчей земли —
Столько в нём горечи и ностальгии!
Дом родовой, не жалея, снесли.
Место чужое, и люди другие.

Где же вы, кто же вы, предки мои?
В мифах, легендах, преданьях старинных...
Летопись рода, поэма семьи
Пишется вскользь на имперских руинах.

Память, как хлебная корка, черства,
Не избежать мне такого же тлена.
Я как Иван, что не помнит родства, —
Лишь имена до шестого колена...

* * *

Сквозь лес, густой и непролазный,
Дорога долгая, как сон,
Мучительно однообразный
Вид в серых окнах с двух сторон.

Как будто легче — по пустыне,
Поверх зыбучего песка,
Где — от смиренья до гордыни —
Всё та же смертная тоска.

Но есть надежда, что приедем
Когда-нибудь, куда-нибудь,
Меж рубежами — тем и этим —
Проложим свой конечный путь.

Пусть поезд мчит, многоколёсен,
Через тайгу, через пургу,
Карандаши и кисти сосен
Рисуют небо на бегу.

* * *

В телефоне моём контактов полно,
Только некому мне позвонить.
Ты свяжи меня хоть с кем — всё равно! —
Телефонная тонкая нить.

Наугад я номер любой наберу —
И свершится заветный звонок.
Мне ответит вдруг в Бангладеше, в Перу
Человек, что, как я, одинок.

В наш безмолвный вмешаются разговор
Междометия «ах!» или «эх!»,
Параллельной линии пламенный спор,
Треск звезды, завыванье помех...

Мы на проводе долго будем висеть,
Тёплой трубки не вешать, пока,
Перегружена вся, телефонная сеть
Не прервёт звонка.

* * *

...Вернусь домой, закрою дверь входную —
Моё существованье под замком.
К мирам чужим, далёким не ревную.
Тех как бы нет, с кем вовсе не знаком.

И хоть исколеси кругом планету,
И тут, и там мелькнувший наяву,
Вот — я, но и меня на свете нету
Для большинства, как полно ни живу.

Мы ничего не знаем друг о друге —
Кто с нами во Вселенной, на Земле?
И кто в ближайшей, видимой округе,
И в городе соседнем, и в селе?

При жизни — мертвецы, за смертью — живы.
Вдруг обрету бессмертье наугад,
Пунктирно, в ком-то, кто копнёт архивы,
На миг воскресну, — тем лишь и богат.

* * *

Достанешь фотоальбом, что пылится,
Протрёшь его и откроешь, а там...
А там — торжественно-строгие лица,
Всё их к родным примеряешь чертам.

Кто эти люди, что в фотоальбоме
Навек забыты и погребены?
Хоть и бывали порой в нашем доме
И были в прабабушку влюблены.

В домашнем архиве древнее фото
Откопав невзначай лет через сто,
Дальний потомок подумает: «кто-то»,
Хоть для него эти «кто-то» — никто.

Мы сами, снимки из детства листая,
Не узнаём в них — себя, жизнь спустя,
Смеясь: какая одежда простая,
Какое щекастое там дитя!

* * *

Как круги на воде,
То, что вдруг вспоминается,
Что неведомо где
Морщится и сминается.

За волною — волна,
Из застывшего омута
Дрогнет, хламом полна,
Моя детская комната.

Там меня не найти
Мне, свой опыт таящему,
И туда не войти
Прямо, по-настоящему.

Тьма незримых преград,
Прошное замуровано,
И сквозь время утрат
Вглубь гляжу очарованно.

По прошествии лет,
Выплывает из темени
Не деталь, не сюжет —
Только аура времени.

Вилами по воде
Моё прошлое писано,

СТИХИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

И со дна, из «нигде»
Поднимается ввысь оно.

Что мне делать с тобой,
За собой потянувшее?
Словно вынес прибой
Навсегда утонувшее.

* * *

Кто мне сказал, что это всё — моё?
Как будто штамп о временной прописке,
Поставленный рукою паспортистки,
Меня вселяет до поры в жильё!

Откуда это право мне дано —
Считать все эти улочки моими,
И, каждой дав, как милой дочке, имя,
С одной — в аптеку, а с другой — в кино?

От Магадана — и до Элисты
Страну нам приоткрыли и планету,
Что прячется за горизонтом где-то...
Карманы мира рваны и пусты.

Как доказать, что деньги в кошельке
Имеют цену, точно не фальшивы;
Что, так и этак, подлинно мы живы
С ключами от себя самих в руке?

* * *

Встанешь рано — благодать:
Золотое время!
Если в пять утра не спать —
Луч целует в темя.

Эти первые часы
Возвращают в юность:
Капли звонкие росы,
Скоро ли проклюнусь?

Весь в веснушках, конопат,
День достигнет пика —
Год опять пойдёт на спад...
Ты, душа, не спи-ка,

Чтобы разбудить стихом
В декабре — не в мае,
В мире тёмном и глухом
Изнутри сияя!

ЭТЮДИК

Мы в тени гуляем сада.
Вдохновенная прохлада:

Нет ещё сплошного зноя —
Дышащее всё, сквозное.

Мир так явственно поделен
На две сферы — синь и зелень.

И всё звонче, и всё чётче
Ласточки до самой ночи.

День весны — нежнее флейты, —
Гамму нот и красок лей ты!

В снизошедшей благодати
Всё — ко времени и кстати.

* * *

В наркологическом диспансере
Очередь тянется до порога...
Хлопают резко нервные двери,
Смотрят врачи на «случаи» строго.

Здесь растеряется даже трезвый —
Всюду мелькают мрачные рожи...
Молю обо всех у стены облезлой:
«Смягчи же наши сердца, о, Боже!»

И тем чуднее странности эти,
Что кот дворовый, бездомный Вася,
Спит на столе в седьмом кабинете,
Всю безнадёгу местную скрасив.

КОЛОДЕЦ

Так страшно заглянуть в колодец,
Как в окна чёрные метро
Иль в окна северных болотец:
Глядит хитро́,
Холодит нутро
Там, в зеркале кривом, уродец.

От двойников своих, от чудищ,
Как от себя, не убежишь.
Вдруг, исчерпавшись, обезлюдешь.
Покажут шиш:
Куда ни глядишь,
Как ни крутишь — и ты там будешь.

Достаточно лишь наклониться,
Считая кольца, глядя вниз, —
И сам как кладезь, как криница.
Иная жизнь
Приснись, прояснись,
Меж небом и землёй граница!

Сквозь бытие, за скудным бытом,
Как в истине — за чепухой,
Как в духе тайном, телом скрытом,
Гулкий, глухой,
Суровый, сухой
Бас Божий слышен: «Кто там? Ты там?»

* * *

Бабье лето как напоминание
О прекрасной начальной поре,
И готовиться грустно заранее,
Точно к близкой разлуке — заранее,
К первой изморози в октябре.

Забывая на время о холоде,
Мир объятья тепло распахнул.
Как бочонки лото, всюду жёлуди,
Нет дубов, но откуда-то — жёлуди.
С дальней станции — поезда гул...

Пусть дорогу с листвою пернатою
Тень от облака не омрачит.
Эта осень клаксонной сонатою —
И воздушной, и влажной сонатою —
Так светло и надрывно звучит.

Завтра всё оскудеет, наверное,
Закрома Твои станут пусты,
Но сегодня — о, щедрость безмерная,
Расточительная и безмерная,
В избытке земной красоты!

* * *

...«Ветер северо-восточный,
Дождь, переходящий в снег», —
Хриплый голос водосточный
Уличных морей и рек.

Капли падают за ворот,
Поднимаешь капюшон —
И бредёшь сквозь тёмный город,
Оглушён и отрешён.

Никого не замечаешь,
На вопросы сам себе
Тихо головой качаешь.
Дождь играет на трубе.

Он играет не ноктюрны,
Он — на нервах, и втемне
Сердцу делается дурно —
Как иглой под ногти мне.

Яд ночной — хмельное пиво,
Дождь отчаянный со льдом.
Время — ни мертво, ни живо.
Лишь одно спасенье — дом!

* * *

«Остановка локомотива» —
Как обратная перспектива:
Уезжать, возвращаться снова,
Будто нету пути иного.

Человек, воротившись, ахнет,
Что и дом по-другому пахнет,
А точнее — что пахнет резче,
И стоят не на месте вещи.

Так бывает на зимней даче,
Где всё с лета дышит иначе:
Домик затхлый, морозец свежий.
След медвежий, угол медвежий...

С расписанием старым таблички —
Шесть раз в день зимой электрички,
И хоть нового ждёшь мотива —
«Остановка локомотива!»

НА СЕЛЬСКОМ КЛАДБИЩЕ

|

К семейной могиле поехать пора,
Куда — всё естественней — тянет с годами.
На кладбище, как на базаре, жара.
Места здесь торговыми встали рядами.

Устали торговцы, весь продан товар.
И вянут, и блёкнут венки-сувениры.
Едва ли получают наживу-навар
Жизнь взявшие в долг, под проценты проныры.

Могильная яма сродни долговой:
Из тех, что причастны ко всякому злату,
Смерть, точно коллектор, — пока ты живой —
Повыбьет всю душу, всю силу, всю плату.

От выгодных сделок — покупок-продаж —
И мёртвым не скрыться в их трауре сонном.
Так сколько за жизнь человека ты дашь
И в храме земном, и в бюро похоронном?

||

За рядом ухоженным — брошенный ряд,
И где-то у края ведутся работы.
Хоть вроде живые вдали говорят,
Но мнится: усопший вдруг выкрикнул что-то.

Далёкое эхо глухих голосов...
А воздух кладбищенский прян и целебен
От выцветших трав, от сосновых лесов,
И только кузнечики служат молебн...

И только поэтика дат и имён —
Когда с похорон переходим к поминкам —
Вне трат, вне обид, вне фальшивых времён
Не делает кладбище суетным рынком.

И только насмешливой смерти в ответ —
Иронии-фарсу, цинизму-неверью —
К надгробиям тянется августа свет,
Не меркнувший и за могильною дверью.

ПАМЯТИ ДЕДА

Мой дед молчал о буднях фронтовых, —
Знать, подписал секретную бумагу.
Оставшись, трижды раненный, в живых,
Медаль хранил в серванте — «За отвагу».

Мой дед молчал — гражданским не понять
Техническую сторону атаки.
Мой дед молчал — кошмаров не унять
В немом ночном послевоенном мраке.

От пули — рак гортани — вовсе смолк
И двадцать лет писал записки кратко.
На фото три бойца — весь дедов полк,
А впереди — ещё страшнее схватка...

Я ничего не знаю о войне,
И ничему История не учит.
Деды уйдут — кто в мёртвой тишине
И страх, и стыд, и гнев, и боль озвучит?

* * *

Природа тиха, только ветер в полях
Над светлою этой парит тишиною.
Задумчивый вереск забыл о шмелях.
Тут, в ближнем лесу, дремлет царство грибное.

Молчать и молчать заповедным местам
Молчаньем таинственным, а не лукавым...
Прислушайся к сонным осенним цветам,
К растущим грибам, к чуть желтеющим травам —

Услышишь дыханье ли, шёпот земли.
Так тихо, что лёгкая в сердце тревога.
Там, где-то в далёкой-далёкой дали,
Асфальтная что-то бормочет дорога.

На камне прогретом навек бы уснул,
Впадая, как солнечный август, в истому,
Когда бы не трассы рокочущий гул,
Ведущей к огромному шумному дому.

* * *

В мире, что светлее мрамора,
Нервно затрещит карамора —
С радужной, с дождливой пылью
Хрупкие раскроет крылья.

Близко время пограничное —
Мне б словечко ироничное,
Чтоб себя взбодрить-утешить,
В сумерках чтоб не опешить...

Мне бы сердце благодарное —
За биенье календарное,
За прощальное застолье,
Где любовь граничит с болью.

Мне б дыхание спокойное
Под цикад гуденье знойное,
А конец земного лета —
Как конец почти что света!

Завтра август начинается,
Как пирог он начиняется.
Пахнет яблоком печёным,
Пахнет деревом точёным...

* * *

Вечерняя прохлада радует —
Земля свежа, и воздух свеж.
Температура к ночи падает,
Осенний перейдя рубеж.

Пуховым одеялом кутаю
Колени ватные свои.
Ложится сон тяжёлой смутюю —
То тоньше, то плотней слою.

Мне снится местность без названия —
Пустыня в ледяной ночи.
В саях, как будто в караване я,
И на снегу следы ничьи...

Но вот уже, как в дымке, чудится,
Где луч сквозь штору просиял,
Нет, не медведица — верблюдица
Среди барханов одеял...

* * *

...Проснулись — и дождь барабанит,
Весь дом наш к земле пригвоздя.
Ничем скучный день и не занят,
Помимо глухого дождя.

Дождём всё на свете залило —
Почти вездесуща вода,
И нас уже капельку злило,
Что дождь этот будет всегда.

Нет, лучше периоды засух
С надеждой на влагу как дар,
Чем в медленных облачных массах
Безжизненный серый кошмар!

Хотя и разумна природа,
Но столько воды утекло,
Сады затопив, огороды,
Не вымыв — заляпав стекло.

Лишь вечером солнечный лучик
К нам в сад незаметно проник,
Острей огуречных колючек —
Открыл с огурцами парник.

В парник залетела жужжалка,
Тревожной струною звеня,

СТИХИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

И было нам времени жалко,
И хмурого летнего дня,

И жизни, что только к закату,
Быть может, нам станет ясней,
Приблизив ту грустную дату,
Когда мы расстанемся с ней.

* * *

О, тело моё горячее,
О, кровь моя с молоком!
Себя под одежду прячу я,
С собою едва знаком.

Вы, руки мои, глаза мои,
С горбинкой ломаный нос,
Со мною всюду — те самые,
Что служат мне на износ.

Спишу оболочку старую
На кладбище, как на склад,
С такой же ненужной тарою —
И стану крут и крылат!

Мне почему-то не верится,
Что канет в небытиё
Вот это хрупкое деревце —
Бедное тело моё!

* * *

Неужели все звёзды погаснут
Или гаснут уже вдалеке?
Неужели не станет ни гласных,
Ни согласных в моём языке?

Ни единого звука, ни света,
Ни земель, ни открытых небес...
Как представлю-приблизу всё это —
Каждый атом, поблѣкнув, исчез,

Углерод развалился, и кремний,
Разлетелись галактики врозь, —
И становится не по себе мне,
По спине пробегает мороз.

К жизни вечной — в чём сила и воля,
Всем смертям, всем концам вопреки?
В тайне скрытого Замысла, что ли, —
Каждый раз точно с первой строки!

* * *

Как я люблю смотреть в окно
И поезда, и самолёта!
Там в сон клонящее кино
Без монтажа снимает кто-то,

Тотчас показывая мне,
Что прямо на лету отснято.
Как на экране, мир в окне
Стремится-движется куда-то.

Ну, лес, ну, поле, ну, река...
Не поддаётся пересказу
Вся эта жизнь, издалика
Бегущая навстречу глазу.

Жизнь, что длиннее кинолент,
Пишу на память, как на плёнку,
И до конечной, до The End,
Переснимаю фильм вдогонку.

* * *

Куда бы дорога ни гнала,
Сворачивая вдалеке,
Но смутное чувство финала —
Как выстрел, как точка в строке.

Ещё не замёрзла канала
В граните густая вода,
Но жгучее чувство финала
Похоже на кубики льда.

Таким ты меня и не знала —
Быть разным умею, могу,
Но грозное чувство финала
Маячит на том берегу...

К финалу нельзя подготовить,
Как сердце и ум ни готовь, —
Вне логики, но хорошо ведь,
Что спорит со смертью любовь?

**СТИХИ
ДЛЯ ДЕТЕЙ**

ОБЛАКА

В небо глянь! Крыло драконье,
Спит медведь, пасутся кони,
Белой гривой машут львы...
Неужели таковы
Улетающие звери,
Тающие в атмосфере
И тающие в себе
Память о земной судьбе?
Или облака не души
Жителей морей и суши —
Тех, что были, быть могли б?
Лёд и пар стотонных глыб —
Вовсе нет в высоких тучах
Лапок птичьих и паучьих!
Это я дорисовал
Вместо облака — овал
И густой добавил шерсти
Да ещё для глаз отверстий, —
Вышел чудом, как живой,
Мир из ткани перьевой.

* * *

Лето — время насекомых,
Легкокрылых, невесомых,
Пьющих кровь или нектар,
С усиками и безусых.
О своих любимых вкусах
Спорит со шмелём комар.

Вот присела на дорогу
Бабочка, устав немного, —
И прозрачней, чем стекло,
Стало цветом золотистым
С драгоценным аметистом,
Преломляя луч, крыло.

С нами рядом жизнь другая
Царствует, маня, пугая
Непохожестью на нас.
На лету творит природа,
Но на всех ли хватит мёда
В Яблочный, в Медовый Спас?

Вы — древнее бронтозавра,
Но, глядишь, не станет завтра
Ни стрекоз, ни ос, ни мух...
В память о цветущем лете,
Полевых цветов букете —
Только увяданья дух?

СОВА

Строчки в столбик. Как стихотворение,
На снегу красавица-сова.
Чётко оперенье, чётко зрение,
Как поэта меткие слова.
Крылья — завитки и завихрения,
И кругла меж крыльев голова.
Так и просится в стихотворение,
Зарифмована с собой, сова!

БОНЬКА

Мы спасли щеночка
От мальчишек с палками.
Смотрит, одиночка,
Он глазами жалкими.

В дом внесли мы Боньку,
Где коты над мисками.
Боязно ребёнку
С этими, неблизкими.

Всё сдружиться хочет
С усачами-кошками,
По полу топочет
Маленькими ножками.

Недоумевая,
Кошки смотрят искоса
На источник лая —
Лучше б дали вискаса!

ИЗ «КОТОЦИКЛА»

Племяннику Юрке

Две площадки глаз у кошки
Во тьме, как НЛО-шки.
Расширены зрачки —
Им не нужны очки.

Мне интересно: что же
Увидеть кошка может
Из инобытия,
Чего не вижу я?

Меня всё тянет, тянет
К вам, инопланетяне,
С хвостами кочергой
Из млечности другой!

Ты только погляди-ка:
Кот смотрит долго, дико
Куда-то в мрак ночной,
Как будто не ручной.

Глаза его мерцают,
Созвездья созерцают.

* * *

Как подарок всем нам, в новогоднюю ночь
Выпал вдруг долгожданнейший снег.
Мы приклеили десять снежинок на скотч —
Пусть висят на окне!

Мы включили гирлянды — и лампочки блик,
Словно искра в январском снегу.
Ангелочка достали — ликующий лик,
Что завёрнут в фольгу...

Как мы только ни звали волшебной зимы!
Снеговик из камней, из ветвей...
Нынче снега зимою не выпросим мы —
Мир черней и мертвей.

Чудеса — вне прогнозов, вне планов, и вот,
Нам неведомым, тайным путём
Стал сливовой и персиковой небосвод —
Снег пришёл за дождём.

Даже дворник не трогает белый покров.
Светел город домов и дорог.
Дед Мороз — друг иль бог, добр или суров, —
В чай подбавь сахарок!

ЛЫЖНИК

Пойдём подышим кислородом?
Там, между сосен неподвижных,
Мчит издали коньковым ходом
Навстречу нам высокий лыжник.

Есть в этом что-то от полёта
Красивейшего в поднебесье,
Есть в этом от балета что-то —
О, как он держит равновесье?!

Летит-летит-летит стрелюю,
Рисую петли и зигзаги,
Рождая чувство удалое
Уверенности и отваги!

И я пошёл скорей за ним бы
По снегу, что листа белее,
Где фонарей сияют нимбы
В Удельном парке на аллее.

ПРИВЕТ ИЗ ДЕТСТВА

Далёкое и близкое.
Что было так малó,
У памяти под лупою —
Как пёстрое крыло.

Мы бабочку в коробочку
Поймали у ручья.
И тот ручей течёт, ничей,
И бабочка — ничья.

Мы сами словно куколки,
Мы хрупкие тела.
Нас дома ждут родители,
Домашние дела.

Нас ждут ещё сто тысяч дней,
Ещё сто тысяч встреч.
Едва ль мы сможем краткий миг
С той бабочкой сберечь.

ВЕТЕРОК

Рыжему жеребенку по кличке Вольный Ветер

Ветерок мой, Ветерок,
Отнеси меня на волю,
Покатай меня по полю
Вдоль нехоженных дорог.

Я мечтаю повидать
Заповедное местечко —
Лес живой, живую речку...
Тишь, да гладь, да благодать.

Если в путь, то с ветерком —
Стань и мне попутным ветром.
В мире праздничном и щедром
Счастье — кру́гом-кувырком.

В сердце этих дивных мест
Быть несчастным так неловко.
Ветерок, держи морковку!
Едем рысью и в объезд!

СОДЕРЖАНИЕ

Ода «К радости»	3
СТИХИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ	7
«Слышишь, как птицы шифруются-прячутся...»	9
«Кто жил с горячей головой...»	10
«Что поведает река мне...»	12
«Туманности и млечности...»	14
Мальчик	16
Дыхание предков	17
Радоница	18
«Жить в четырёх стенах...»	19
Из цикла «Петербургские кладбища»: Еврейское	20
«Что знаю о себе, и надо ли...»	22
«Знать бы — что там, впереди?»	24
«Память слоиста — одно на другое...»	26
«В лес углубиться — в чаще заблудиться...»	27
Астроном	28
Два окна	29
«В эту тишь глухонемую...»	30
«Ослепну на миг, сделав шаг за порог...»	31
«Настроение наше зависимо...»	32
«Шепчу я сирени зацветшей...»	34
«Настольной лампе на краю...»	36
«Пока кругом отчаянные-злые...»	37
Январское	38
Болдинское	39
«Что Бог даёт тому, кто рано встанет?»	40
«Здесь, на земле, в кругу семьи...»	41

СОДЕРЖАНИЕ

«Ты помнишь зелёное и голубое?»	42
«Живу взаперти в своём теле и разуме...»	43
«Мной движет страх шагнуть в небытие...»	44
Немота	45
Живые буквы	46
«Стихи мои — не сор и не руда...»	48
Зоопарк.....	50
Памяти Дмитрия Кедрина.....	52
«Лес наш гулок. Сквозь клёны гляну...»	53
«Куда попадают тени зверей...»	54
«Гроза улетала так быстро к востоку...»	55
«В ночное море первозданное...»	56
Ночной город	57
Плач по Ильиной улице	58
К фонарю	60
«Лишь ночь сомкнётся, свет глуша...»	61
«Иду в аптеку за полночь...»	62
«В доме, пахнущем небытием...»	63
«Всё сошлось там: дремучие древние страхи...»	64
«Ещё до Каина и Авеля...»	66
«Бывает, на похоронах...»	67
«...В окно постучат ночью чёрной, как дёготь...»	68
«Веет лёгкий ветерок...»	69
«Какой-то дурманящий запах...»	70
«На прощанье с летним днём...»	71
«Не грусти, что лето на исходе...»	72
«В густой ночи не зрением, но кожей...»	73
Колыбельная для взрослых	74
Баллада о Кировском вокзале.....	75
Дорога домой	76
«В фотоальбом вхожу я, как в паноптикум...»	78
На смерть бабушки	79
«Родины малой пустое дупло...»	80

СОДЕРЖАНИЕ

«Сквозь лес, густой и непролазный...».....	82
«В телефоне моём контактов полно...».....	83
«...Вернусь домой, закрою дверь входную...».....	84
«Достанешь фотоальбом, что пылится...».....	85
«Как круги на воде...».....	86
«Кто мне сказал, что это всё — моё?».....	88
«Встанешь рано — благодать...».....	89
Этюдик.....	90
«В наркологическом диспансере...».....	91
Колодец.....	92
«Бабье лето как напоминание...».....	93
«...Ветер северо-восточный...».....	94
«Остановка локомотива...».....	95
На сельском кладбище.....	96
Памяти деда.....	98
«Природа тиха, только ветер в полях...».....	99
«В мире, что светлее мрамора...».....	100
«Вечерняя прохлада радует...».....	101
«...Проснулись — и дождь барабанит...».....	102
«О, тело моё горячее...».....	104
«Неужели все звёзды погаснут...».....	105
«Как я люблю смотреть в окно...».....	106
«Куда бы дорога ни гнала...».....	107
СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ	109
Облака.....	111
«Лето — время насекомых...».....	112
Сова.....	113
Бонька.....	114
Из «Котоцикла».....	115
«Как подарок всем нам, в новогоднюю ночь...».....	116
Лыжник.....	117
Привет из детства.....	118
Ветерок.....	119

Литературно-художественное произведение

Григорий **Князев**

ЖИВЫЕ БУКВЫ

Книга стихов для взрослых и отчасти для детей

Руководитель издательского проекта *Роман Косыгин*

Литературный редактор *Евгения Долгинова*

Дизайн *Александр Петриков*

Верстка *Елена Потапова*

Корректор *Римма Болдинова*

Подписано в печать 01.11.2022.

Формат 64 x 90^{1/16}. Гарнитура Charter.

Тираж 500 экз.

Заказ №

АСПИ

121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 52/55, стр. 1

Отпечатано в АО «Т8 Издательские технологии»

109316, Россия, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5

t8print.ru

16+